

Геополитическая роль Центральной Азии в XXI веке

Алмаз Имангазиев

В последние годы заметно повысилось внимание к Центральной Азии (ЦА), которая еще лет десять назад упоминалась в официальных документах “большой политики” и мировых новостях гораздо реже.

Для этого существуют различные причины. Среди них можно назвать и то, что она оказалась “вдруг” остро востребована, когда после террористических актов в США 11 сентября 2001 г. территория государств ЦА стала использоваться – по не столь уж часто наблюдающемуся в международной практике полному согласию между и США, и Россией, и Китаем, и другими крупнейшими “акторами”, и самими странами ЦА – как важнейший плацдарм для проведения антитеррористической операции против режима талибана в Афганистане.

Еще одним фактором стало изменение в новом веке ситуации в мировой энергетике – стремительный рост цен на углеводородные энергоносители заметно повысил интерес ведущих потребителей к Центральной Азии как с точки зрения имеющихся здесь запасов ископаемого топлива, так и региона потенциально важного для стратегического транзита топлива.

Вместе с тем неправомерно было бы считать, что интерес к ЦА со стороны ведущих держав мира возник лишь к настоящему времени.

Можно вспомнить о походах Александра Македонского в древние Бактрию и Согдиану. История утверждения в этом регионе ислама также представляет огромный интерес. Многое написано о драматическом времени завоевания среднеазиатских государств Чингиз-ханом.

Да и в последующие столетия ЦА пользовалась повышенным вниманием ближних и дальних соседей.

Как отмечает российский исследователь Э.А.Галумов, “безусловно, геополитические контексты продолжают доминировать в мировой политологии”¹.

С позиций традиционной геополитической мысли ЦА занимает вполне определенное положение в мире.

Согласно теориям основателей геополитики, прежде всего англо-американских (Х.Маккиндер, Н.Дж.Спикмэн), этот регион является одной из важнейших частей того самого “римлэнда” (“окраинной земли”), “внутреннего полумесяца”, где происходят столкновения “теллурократии” – сухопутной цивилизации – и “талассократии” – морской цивилизации за господство над “хартлэндом” (“сердцевинной земли”), то есть над Евразией в широком смысле.

Если следовать этим теориям, несколько иначе истолкованным, например, в известном труде А.Дугина, то можно сказать, что в XIX и начале XX в. сухопутную цивилизацию представляла, прежде всего Россия, а морскую – Британская империя.

В отличие от России и Великобритании, присутствие Срединной империи в Центральной Азии проявлялось с весьма давних пор.

Китайцы поддерживали торговые и иные связи с данным регионом с древнейших времен, о чем свидетельствует сохранившееся с тех пор и говорящее само за себя воспоминание о “Великом шелковом пути”. Для них ЦА еще много веков назад была и рынком, и транзитным мостом для более дальних торговых маршрутов – вплоть до Римской империи. А при манчжурской династии Цин – XVII – начало XX вв. политика Китая в отношении Центральной Азии приобрела уже военное, экспансионистское измерение в виде присоединения к себе отличных от него и по этническому составу, и по религиозному признаку Синцзян и Уйгурию.

С точки зрения директора Института русской истории Российского государственного гуманитарного университета А.И.Фурсова, центрально-азиатский регион “последние 300–400 лет был объектом экспансии, сжался, соседи (и через некоторых из них – капитал, мировой рынок) диктовали ему свою волю.

В XVII в. Центральная Азия, точнее, ее восточная часть оказалась сдавленной между молотом и наковальней Российской и Цинской империй, этот пресс продолжал сжиматься до начала XX столетия. Западную ее часть в XIX в. подперли с севера все та же Россия, с юга – Великобритания...”².

Первоначально в рамках российско-британского соперничества, получившего в XIX в. название “большой игры”, ЦА рассматривалась, прежде всего, как промежуточная зона, разделявшая Российскую империю и британские владения в Индии.

В 1807 г. в Лондоне узнали, что после побед в Европе Наполеон предложил царю Александру I совместно вторгнуться в Индию. Французская агрессия против России поставила крест на этих планах. Но затем расширение российских владений на юг – как и английских на север – продолжалось. К середине XIX в. ЦА не сходила с британских газетных полос по мере того, как древние города и ханства на бывшем Шелковом пути один за другим попадали под власть России (Ташкент в 1865 г., 3 года спустя Самарканд и Бухара, еще через 5 лет Хива).

Серьезно обеспокоенные за Индию – “жемчужину Британской империи” – англичане постоянно засыпали своих агентов, например, миссию А.Бернса в Кабул и Бухару в 30-е годы XIX в.

Одновременно в ЦА действовали российские представители. Прапорщик Виткевич доносил в Петербург о Бернсе, что тот общался с бухарцами, “указывая на опасных соседей, на русских, от коих могут они только быть безопасны, заключив союз с англичанами”³.

После присоединения ЦА к Российской империи в 1867 г. было создано Туркестанское генерал-губернаторство, которое включало в себя огромную территорию от оз. Иссык-Куль до Каспия, от Кушки и до Аральского моря. Формально независимые Бухарский эмират и Хивинское ханство фактически также входили в генерал-губернаторство. Однако русско-британское соперничество продолжалось, так как российские владения от Британской Индии в некоторых местах отделяли буквально несколько десятков километров.

С победой в России большевиков опасения Великобритании не утихли, и

её агентура приняла активное участие в поддержке басмаческого движения, а в 30-е годы XX в. британская контрразведка включила в число своих главных задач поиск “агентов Коминтерна” в Индии.

После Второй мировой войны Великобритания была вынуждена уйти из Индии, британское влияние в ЦА резко ослабло, но на ее место появились новые претенденты – Соединенные Штаты Америки, которым удалось втянуть шахский Иран и Пакистан в Организацию Центрального договора (СЕНТО). В итоге под южным центральноазиатским боком СССР оказались страны-союзники его главного геополитического противника.

В течение всей “холодной” войны здесь шла незримая борьба между советскими и американскими (плюс иранскими и пакистанскими) спецслужбами. К этому 60-х годов подключились и их китайские коллеги. Апогея это соперничество достигло после ввода советских войск (1979 г.) в Афганистан, что было истолковано как возобновление давнего устремления России к “теплым южным морям”.

После свержения проамериканского шахского режима самостоятельным игроком в регионе стала Исламская Республика Иран.

После “геополитической катастрофы” (декабрь 1991 г.), по определению Президента РФ В.В.Путина⁴, произошло разрушение централизованного управления экономикой, единой платежно-расчетной системы, оборонного и информационного пространств, в ряде мест вспыхнули конфликты. Такие меры, как создание Содружества независимых государств (8 декабря 1991 г.) и подписание Договора о коллективной безопасности (май 1992 г.) лишь смягчили вставшие перед новыми независимыми государствами ЦА проблемы.

Ресурсы для преодоления последствий распада Союза пришлось искать на путях налаживания внешних связей по всем азимутам, включая отношения с США.

Однако в тот период США были заняты в гораздо большей степени усилиями по закреплению своей неожиданной победы в “холодной” войне на европейском континенте, стремясь окончательно оторвать страны Восточной Европы от их бывшего лидера и подготовить их к интеграции в западные структуры, прежде всего НАТО.

Отношение американского истеблишмента к ЦА в тот период можно охарактеризовать как лишь умеренно заинтересованное. Пытаясь ограничить влияние своих потенциальных геополитических соперников, США в 90-е годы заключили со странами ЦА ряд двусторонних договоров, касающихся поддержки их независимости, суверенитета и территориальной целостности, вовлечению в сотрудничество по таким проблемам, как контроль за экспортом оружия и военных технологий, борьба с терроризмом и наркоманией⁵.

Со своей страны ЦА четко определили желательный для них характер отношений, а именно – сотрудничество, будучи готовым всемерно развивать его, но не в ущерб своим отношениям с третьими странами.

Так, их руководители неоднократно отмечали, что в процессе расширения НАТО на Восток непременно следует учитывать интересы РФ. Ясно, что эти оговорки фактически были адресованы прежде всего США.

После теракта 11 сентября 2001 г. США существенно пересмотрели геополитическую роль Центральной Азии. С началом формирования антитеррористической коалиции и подготовки к силовой операции против режима талибов в Кабуле стало очевидным чрезвычайно выгодное стратегическое положение ЦА.

Для поддержки операций в Афганистане был избран гражданский аэропорт "Манас", обслуживающий столицу Киргизии Бишкек.

Аналогом авиабазы в кыргызском Манасе стала авиабаза Карши-Ханабад в Узбекистане. Примечательно, что и после свержения режима талибов обе базы остались.

Однако в дальнейшем судьба авиабаз сложилась по-разному: по базе Манас в результате кыргызско-американских переговоров было достигнуто соглашение о повышении платы за ее использование, а руководство Узбекистана весьма встревоженное вмешательством США и других западных стран во внутренние дела своей страны в связи с событиями в Андижане (2005 г.), приняло решение прекратить ее использование коалицией во главе с США. Более того, на июльском (2005 г.) саммите Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) именно президент Узбекистана И.Каримов инициировал одобренный всеми членами ШОС призыв к США решить вопрос о конечных сроках пребывания американских баз в регионе ввиду того, что ситуация в Афганистане изменилась и надобность в этих базах уже исчезла. Прошедшие в ноябре того же года в Кремле переговоры И.Каримова с В.Путиным многие политологи назвали "символом изменения вектора международной политики руководства Узбекистана – от США к России". Подписанный двумя президентами Договор о союзнических отношениях допускает появление в Узбекистане уже не американских, а российских военных баз.

Нужно отметить, что относительно баз в ЦА не было полного единодушия и между самими западными партнерами. Например, на базе Манас в Кыргызстане французы пожелали решать вопросы своего пребывания на-

прямую с властями Кыргызстана, независимо от американского военного руководства.

Характерно и интервью почетного консула Франции, полковника разведки в отставке Р.Канья, который довольно откровенно обозначил интересы США в Центральной Азии: "Бишкек – сердце всей Центральной Азии. Американцы отсюда могут действовать и в направлении Афганистана, и в направлении Каспийского моря. Нефть Каспийского моря очень интересует их. А если потом возникнут проблемы с Китаем, особенно Синьцзянем, лет через 10–12, то американцы – рядом", а в отношении и России, и Китая "иметь здесь глаз"⁶.

Все это было воспринято некоторыми критиками сотрудничества стран ЦА с США как угроза стратегическим интересам России. Сторонники же сотрудничества неоднократно подчеркивали, что появление указанных баз ни в коей мере не ставит под угрозу интересы России, а, напротив, учитывая активное участие самой России в усилиях мирового сообщества по борьбе с международным терроризмом, вполне укладывается в русло общей борьбы и к тому же согласовано с российским руководством. Следует в этой связи также напомнить об открытии, например, российской военной авиабазы в Канте (Кыргызстан).

Победа над Талибаном не стала и не могла стать окончательной победой над международным терроризмом. Международные силы содействия безопасности (*International Security Assistance Force – ISAF – МССБ*) и вооруженные формирования нового правительства Афганистана контролируют в основном крупные города и их окрестности и несут потери со стороны перегруппировавшихся сил Талибана и "Аль-Каиды", а потому в ближайшем будущем не следует ожидать вывода МССБ из Афганистана, что означает

сохранение востребованности баз и инфраструктурных объектов МССБ на территории ЦА.

В одном из документов, представленных представителями НАТО на обсуждение Постоянного парламентского комитета Россия – НАТО (7 ноября 2003 г.), говорилось: “С момента распада Советского Союза Центральная Азия признавалась в качестве региона, имеющего растущую геостратегическую важность, но наибольший непосредственный интерес представляющего для России. Однако после терактов 11 сентября против Соединенных Штатов и последовавшей за ними военной операции в Афганистане стало ясно, что происходящее в этом регионе, имеет гораздо более широкое значение... Центральноазиатские государства теперь представляют собой передовую линию сдерживания угроз, исходящих из этого региона... Транснациональный характер этих угроз означает, что Центральная Азия, традиционно одна из зон российского влияния, ныне является регионом, вызывающим интерес и озабоченность у Европы и Североатлантического альянса”⁷.

По сравнению с последним десятилетием прошлого века тональность оценок США положения с демократией и правами человека в государствах ЦА вновь изменилась.

Так, в документе Бюро государственного департамента США по европейским и евразийским делам, посвященном государствам ЦА, содержатся примечательные формулировки: “Мы глубоко симпатизируем их (правозащитников – Авт.) целям, но должны подчеркнуть, что для изменения глубоко устоявшихся характеристик поведения требуется... интенсивная работа на протяжении длительного периода времени... Картина с правами человека в Центральной Азии, несомненно, носит смешанный характер – ограниченный, но реальный прогресс в Узбекистане и Таджикистане, застой в Туркменистане и отступления в некоторых специфических областях в Казахстане. Хотя Киргызстан продемонстрировал реальный прогресс за прошедший

год, степень его приверженности правам человека станет более ясной со временем”⁸.

Однако в последнее время происходят новые изменения в политике стран ЦА. Примером может служить Казахстан, внешнюю политику которого официально характеризует “прагматичная многовекторность”.

На необходимость стратегического партнерства с США было указано еще в послании Н.Назарбаева под названием “Новый Казахстан в новом мире”.

Астану и Вашингтон объединяет тесное сотрудничество в борьбе с международным терроризмом и религиозным экстремизмом, которое вносит важный вклад в поддержание стабильности в ЦА. Наконец, для американцев весьма значимым является и присутствие небольшого казахстанского контингента в Ираке. США ценят и роль казахстанского руководства по укреплению межцивилизационного диалога. В 2003 г. и 2006 г. в этой стране прошли два весьма представительных съезда лидеров мировых и традиционных религий.

Казахстан, энергично развивая отношения с Россией, в том числе и по линии ДКБ, продолжает активно участвовать в “Партнерстве ради мира” (ПРМ) и Индивидуальном план действий партнерства (ИПДП) по линии НАТО.

Кроме того, он поддержал резолюцию Совета Безопасности ООН N 1747 от 24 марта 2007 г., направленную на принятие мер, побуждающих Иран прекратить работы по обогащению урана и возобновить переговоры с МАГАТЭ.

В связи с углублением партнерских отношений между Астаной и Вашингтоном Россия, рассматривающая Казахстан в качестве своего ключевого союзника, проявляет определенное беспокойство. Именно этим, по-видимому, объясняется достаточно сдержан-

ная реакция России на развитие сотрудничества между Казахстаном и США.

Что касается Китая, то он, как представляется, шаг за шагом осуществляет рассчитанную на десятилетия стратегию, целью которой является неуклонное усиление его влияния в центральноазиатском регионе. Одним из инструментов этого стало создание ШОС, в которую вошли Китай, Россия и страны ЦА. Ее формирование отвечало интересам России, так как содержало потенциал некоторого сдерживания США, нейтрализации их позиций, полученных благодаря антитеррористической операции в Афганистане. Однако ШОС создавалась, прежде всего, для того, чтобы решить пограничные вопросы после распада Советского Союза между вновь образованными суверенными государствами и КНР.

После успешного решения этих задач, ШОС стала расширять сотрудничество по вопросам политического и экономического характера, причем экономическая составляющая выходит на первый план. А здесь Китай и Россия – скорее конкуренты, причем китайские позиции во многих сферах уже сейчас сильнее российских. Активно проникая в местные экономики, Китай представляет своим партнерам и льготные кредиты, и прямую экономическую помощь. Например, Киргизии он недавно подарил тысячу тракторов.

В отличие от 90-х годов, когда многие по инерции опасались, что в отсутствие СССР, Китай начнет территориальную экспансию в стиле событий на о.Даманский в 1969 г., ныне эти опасения исчезли. Границы между КНР и его соседями в ЦА определены, и китайская экспансия выражается в наращивании экспорта в эти страны, инвестициях и усилиях по замыканию в будущем на себя поставок сырья из ЦА, особенно энергоносителей.

Подводя итоги, можно констатировать, что заявление о том, что какой-то из основных центров силы – будь то США, Россия или Китай – преобладает или добился гегемонии в ЦА было бы совершенно некорректно. Россия вполне естественно, по историческим причинам обладает преимуществом в виде “прошлого багажа”.

В военном отношении Россия имеет ядерный паритет с США и существенно превосходит Китай по ракетно-ядерному потенциалу. Но в то же время на вопрос, кто – США, Китай или Россия обладает превосходством в области обычных вооруженных сил в том или ином конкретном регионе, вряд ли можно ответить однозначно.

При этом надо учитывать, что в случае потребности – разумеется, по согласованию с руководством государств ЦА – в усиление военного присутствия какой-либо из этих держав в регионе, тем более в боевых действиях, которые носят и будут носить характер операций против компактных групп боевиков в сложной местности, ядерное оружие не даст никаких преимуществ.

В экономическом плане также расклад сил отнюдь неочевиден.

РФ использует и пытается возрождать старые производственные связи. Действительно, промышленные предприятия в ЦА в массе своей построены при советской власти, и это, на первый взгляд, дает российскому бизнесу фору. Однако тогда они функционировали в условиях экономики, фактически изолированной от внешнего мира.

Сейчас же нет никаких гарантий, что они способны быть конкурентоспособными в открытой глобализирующейся экономике, подчиняясь жестким требованиям Всемирной торговой организации.

В этом отношении опять же преимущества видятся на стороне китайцев с

их богатым опытом создания множества предприятий, производящих ширпотреб (и, тем самым, кстати, способствующих снижению проблеме безработицы). Америка же не имеет ни тех, ни других преимуществ, но зато ее ВВП примерно в 5 раз превосходит суммарный ВВП России и Китая. Неслучайно она рассматривается многими в ЦА как наиболее перспективный донор в плане кредитов и помощи.

Ни одна из трех держав, как представляется, не станет пытаться использовать в свою пользу исламистский фактор. И Россия, и Китай имеют в своих примыкающих к ЦА регионах (да и не только там) население, исповедующее ислам. Возникновение новых "талибанизированных афганистанов" им совершенно ни к чему, о чём конкретно говорил Президент России В.Путин. США находятся в ином положении, но отличие от 80-х годов, когда американцы пестовали бен Ладена для применения его и ему подобных в своей борьбе с СССР, слишком многие в

США после 11 сентября 2001 г. поняли, чем чреваты подобные "игры".

Что касается других центров силы современного мира, то они играют зачастую тоже весьма важную, но вторую роль. В силу этого они не могут ставить перед собой цель добиться преобладания в регионе, а потому ставят более скромные задачи, как, например, Евросоюз, заинтересованный в поставках центральноазиатских энергоносителей, или Иран, интерес которого заключается в недопущении возникновения здесь американского плацдарма, направленного против него; руководящиеся, прежде всего, экономическими интересами Япония или Турция, стремящаяся использовать в качестве преимущества фактор тюркской общности, но, вопреки мнению некоторых исследователей, вряд ли всерьез помышляющая о создании некоего "Великого Турана".

В условиях глобализации такие империи уже невозможны или могут принимать лишь вид фарса.

В заключении следует обязательно отметить и еще один фактор, оказывающий огромное влияние на то, какой является и какой станет геополитическая роль Центральной Азии, а именно, политика самих центральноазиатских государств. Думается, что хоть и медленно, но процессы укрепления государственности, национального становления в странах ЦА продолжаются. Более того, есть признаки сближения между центрально-азиатскими государствами.

Так, на церемонии открытии 21 мая 2007 г. в Алма-Ате 63-й сессии Социальной комиссии ООН для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО ООН), президент Казахстана Н.А.Назарбаев вновь выступил за создание Центрально-Азиатского Союза.

"Интеграцию центральноазиатских государств мы рассматриваем как объективный и естественный процесс, обусловленный интересами каждой из стран", – заявил глава Казахстана. Очевидно, что недавний успешный опыт заключения такого союза с Киргизией вдохновил президента на его расширение⁹.

Это говорит о том, что в ЦА пробивают себе дорогу тенденции к региональной интеграции. Разумеется, регион находится лишь в самом начале пути. Он никогда не был единым самостоятельным актором – ни в древности, когда здесь существовали по большей части враждовавшие между собой государственные образования, ни позднее, когда он превратился в узко специализированный экономический район на экономгеографической карте бывшего СССР.

ЦА в этом плане еще очень далеко и до ЕС, нынешние 27 членов которого, впрочем, еще шесть с небольшим десятилетий назад воевали друг с другом в соста-

ве гитлеровской империи и антигитлеровской коалиции, а потом еще 45 лет смотрели друг на друга сквозь прицелы орудий НАТО и ОВД. Ей далеко еще даже до той же АСЕАН, нынешние 10 членов которой, впрочем, еще 20 лет назад делились на “просоветские” и “проамериканские”.

Но в любом деле необходимо делать первые шаги, и для стран и народов ЦА сейчас самое важное – это осознать, что общих интересов у них существенно больше, чем противоречий, и что отстоять эти интересы в “торге” с могущественными внешними акторами они могут, только действуя сообща, не позволяя мировым полюсам и центрам силы растаскивать себя по разные стороны действительных и воображаемых геополитических “баррикад”. Наиболее дальновидные центральноазиатские лидеры уже осознают это, но решающее слово остается за народами этой древней и много пережившей земли.

Примечания

¹ Галумов Э.А. Инфоколониализм. М.: Изд. “Известия”, 2007. С. 129.

² Фурсов А.И. Срединность Срединной Азии: Долгосрочный взгляд на место Центральной Азии в макрорегиональной системе Старого Света // Русский исторический журнал. 1988. Т. 1. № 4. Осень. <http://www.e-journal.ru/bzaru-b-st3-12.html>

³ “Записка, составленная по рассказам Оренбургского линейного батальона № 10 прапорщика Витковича относительно его пути в Бухару и обратно”. 1836 г. // <http://kungrad.narod.ru/l/1202.htm>.

⁴ Путин В.В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 25 апреля 2005 года. Москва, Кремль. http://president.kremlin.ru/appears/2005/04/25/1223_type63372type82634_87049.shtml

⁵ Кулматов К. Мир в начале третьего тысячелетия: взгляд из России. М., 2001. С. 139.

⁶ Киргизско-французская кровь – прекрасная смесь! // Дело № ... 2002. 13 февраля.

⁷ NATO–Russia Parliamentary Standing Committee. Discussion Paper. II. Combating Terrorism: the Increasing Strategic Relevance of Post-Soviet Central Asia (Ref: 194 SCRF 03 E). Orlando, Florida, United States. 2003. 7 November. P. 3.

⁸ U.S. Policy in Central Asia: Frequently Asked Questions. Prepared by State Dept.’s Office of Central Asian Affairs. 2002. 20 November. P. 2

⁹ Независимая газета. 2007. 22 мая.